

УДК 94.3

КИР ВЕЛИКИЙ: ПЕРСИДСКИЙ ЦАРЬ В КОНТЕКСТЕ МИРОВОЙ ИСТОРИИ

Е.А. Чиглинцев, Э.В. Рунг

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, 420008, Россия

Аннотация

В статье рассматривается жизнь и деятельность Кира Великого (590–530 гг. до н. э.), а также трансформация наследия персидского царя в социокультурных и политических практиках последующих эпох. Авторы убеждены, что предание, которое сложилось в античные времена по причине ограниченности достоверных данных о биографии основателя Ахеменидской империи, в XX столетии было дополнено новой легендой, представляющей царя Кира в качестве признанного в мировом сообществе предтечи современных идеологических, политических и правовых установок в области прав человека. Прославленный в Античности и предельно мифологизированный в Новое и Новейшее время Кир Великий – один из немногих древних правителей, который продолжает активно присутствовать сегодня в интеллектуальном, культурном и политическом пространстве, переживая разнообразные метаморфозы.

Ключевые слова: история, античность, Кир Великий, биография, права человека, современность, политический контекст

В настоящей статье предполагается рассмотреть, во-первых, образ Кира как правителя в освещении античной традиции, а во-вторых, определить основные черты и направления его трансформации в современной политической и правовой культуре. Геродот сообщает наиболее ранние сведения о жизнедеятельности основателя Персидской империи, уделяя пристальное внимание легенде¹, которая включала обыкновенно сюжет о происхождении и воспитании царя, а, кроме того, сюжет о постигшем его конце. И в том, и в другом случае древнегреческий историк замечает, что он знает несколько версий событий, однако излагает ту, которая кажется ему наиболее вызывающей доверия (Герод. Ист. I. 95, с. 42; Герод. Ист. I. 214, с. 79).

Собственно говоря, эти самые «другие» версии возвышения и завершения жизненного пути Кира находят своё отражение в «Персидской истории» Ктесия Книдского [4, р. 159–170; 5, р. 291–312]² и в «Киропедии» Ксенофонта (Ксен. Кир.)³. Хотя в каждой из вариаций могут присутствовать достоверные

¹ Подробнее об этом см. [1–3].

² Интерпретацию сообщения Ктесия о Кире Великом подробнее см. [6, р. 60–78].

³ Об образе Кира в «Киропедии» существует необозримая литература. Из новейших работ см. [7, 8].

черты, в общем носят мифологический характер и в значительной степени содержат элементы фольклора.

В историографии существует мнение, что версия событий, изложенная Геродотом, имела мидийское происхождение, рассказ Ктесия – вавилонское, а Ксенофонта – персидское (см. [9, 10]).

Несмотря на особое внимание античных авторов к легендарным составляющим традиции о Кире, исторический образ основателя Персидской империи находит в общем незначительное, отчасти имплицитное, отражение в источниках, где прежде всего подчёркивается отношение к царю самих персов.

Геродот сообщает о персидском восприятии Кира так: «В царствование Кира и потом Камбиса не было ещё установлено никакой определённой подати, но только добровольные дары. Из-за этого обложения данью и некоторых других подобных мероприятий Дария в Персии говорили, что Дарий был торгаш, Камбис – владыка, а Кир – отец, потому что Дарий всю свою державу устроил по-торгашески; Камбис – оттого, что был жесток и высокомерен; а Кир – оттого, что был милостив и ему они обязаны всеми благами» (Герод. Ист. III. 89, с. 167). Парафраза этого фрагмента присутствует у Диодора Сицилийского: «Кир, как нам говорят, был не только мужественным человеком на войне, но он был также внимательным и гуманным в обращении со своим подданными. И именно по этой причине персы называли его Отцом»⁴ [11, р. 145].

Некоторые дополнительные штрихи к восприятию Кира самими персами даёт Плутарх, который сообщает, что младший сын царя Дария II «Кир получил имя в память о древнем Кире, а того, как рассказывают, нарекли в честь Солнца, ибо Солнце по-персидски “Кир”» (Плут. Арт. 1.3, с. 506)⁵. Согласно одному довольно показательному, на наш взгляд, эпизоду, который рассказывает тот же автор, во время битвы при Кунаксе в 401 г. до н. э. предводитель кадусиев по имени Артагерс напал на Кира Младшего, сражавшегося против своего брата-царя, и громко прокричал ему: «Эй, ты, опозоривший самое прекрасное у персов имя – имя Кира, ты, самый бесчестный и безрассудный человек на свете, ты ведёшь злодеев греков на злодейский грабёж персидских сокровищ, да ещё надеешься убить господина твоего и брата, у которого миллионы рабов лучше и храбрее тебя. Сей же час ты в этом убедишься! Ты сложишь голову раньше, чем увидишь светлый лик царя!» (Плут. Арт. 9.2, с. 510). С памятью о Кире были связаны и некоторые аспекты церемонии коронации нового царя в Персии, о чём Плутарх, в частности, сообщает следующее: «Ищущий посвящения входит в храм, снимает свою одежду и облачается в платье, которое носил Кир Древний до того, как взошёл на престол» (Плут. Арт. 3.2, с. 506).

Неоднократно Геродот проводит мысль о том, что Кир считался «освободителем» персов, поскольку избавил тех от «мидийского рабства» и сделал их «господами» вместо «рабов» (Герод. Ист. I. 210, с. 78). Видимо, по мнению историка, именно за это персы должны были быть особо благодарны Киру. Этот мотив проявляется и в строках, которыми Геродот завершает свою «Историю». Так, персидский царь предстаёт вождём и мудрым наставником персов, которые

⁴ Перевод с английского языка на русский здесь и далее наш. – *Е. Ч., Э. Р.*

⁵ По поводу мнения Геродота о переводе слова «Кир» как «Солнце» и возможных других этимологиях имени см. [12].

предложили ему последовать совету перса Артембара: «Так как Зевс отнял у Астиага владычество над Азией и вручил его персам, а среди персов – тебе, Кир, давайте же покинем нашу маленькую и притом суровую страну и переселимся в лучшую землю. Много земель здесь по соседству с нами, много и дальше. Если мы завоюем одну из них, то наша слава и уважение к нам ещё больше возрастут. Так подобает поступать народу – властителю [других народов]. Ибо когда же ещё нам представится более удобный случай, как не теперь, когда мы владычествуем над многими народами и в наших руках целая Азия?». Услышав эти слова, Кир не удивился предложению и велел его выполнять. Тем не менее он советовал персам готовиться к тому, что они не будут больше владыками, а станут рабами. Ведь, говорил он, в благодатных странах люди обычно бывают изнеженными, и одна и та же страна не может производить удивительные плоды и порождать на свет доблестных воинов. Тогда персы согласились с мнением Кира и отказались от своего намерения. Они предпочли, сами владея скудной землёй, властвовать [над другими народами], чем быть рабами на тучной равнине» (Герод. Ист. IX. 122, с. 453).

Представление о мудрости Кира находит отражение в сообщении, вероятно восходящем к Ктесию Книдскому: «Кир, персидский царь, был, как никто другой, сведущ в философии, которой он обучался у магов. В духе справедливости и правдивости он был воспитан по обычаям, установленным лучшими людьми персов» (Ник. Дамас. Ист. 76 (67; 67), с. 274–275).

Своё восхищение Киrom Великим заявлял Ксенофонт, который, несомненно, во многом идеализировал личность этого персидского царя во «введении» к своему сочинению «Киропедия»: «Выступив с небольшим персидским войском и встав во главе добровольно подчинившихся ему мидян и так же добровольно подчинившихся ему гирканцев, он покорил сирийцев, ассирийцев, арабов, каппадокийцев, жителей обеих Фригий, лидян, карийцев, финикийцев, вавилонян. Он стал царём над бактрийцами, индийцами и киликийцами, над саками, пафлагонцами и магадийцами, над многими другими народами, имена которых никто не смог бы даже перечислить. Он стал царём и над эллинами, живущими в Азии, а затем, спустившись к морю, покорил жителей Кипра и египтян. Кир правил всеми этими народами, языки которых были ему совершенно неизвестны, да и сами они не понимали друг друга. Он смог завладеть огромными пространствами земли благодаря страху, который испытывали перед ним, – так, что все трепетали перед ним, и никто не пытался оказать ему сопротивление. Покорённым народам Кир сумел внушить такое сильное желание угождать ему, что они постоянно стремились только к одному – навсегда остаться под его властью. Сами эти народы были столь многочисленны, что одно путешествие через все эти страны могло бы считаться подвигом, будь то на восток от царской резиденции, или на запад, или на север, или на юг...» (Ксен. Кир. I. 4–5, с. 6).

Как оценивал Кир Великий сам себя? На этот счёт не менее уместно привести высказывание Геродота в связи с рассказом о злополучном походе персидского царя против среднеазиатского племени массагетов: «Много было у Кира весьма важных побудительных причин для этого похода. Прежде всего – способ его рождения, так как он мнил себя сверхчеловеком, а затем – счастье, которое ему сопутствовало во всех войнах. Ведь ни один народ, на которых

ополчался Кир, не мог избежать своей участи» (Герод. Ист. I. 204, с. 76). В данном случае Геродот, конечно, не говорил о сакральности Кира, поскольку для «отца истории» (Цицерон) вообще не было свойственно представлять персидских царей богами или богоподобными⁶, как это встречается у других авторов, часто со ссылками на мнение самих персов⁷. Вероятно, Геродот приписывал Киру, как и некоторым другим персам (и не только царям), героические черты⁸, которые, по представлениям историка, позволяли самому царю считать себя выше любого другого человека. Это, пожалуй, единственное место в труде «отца истории», в котором тот намерен показать самопрезентацию Кира.

Между тем отсутствуют восточные (в том числе древнеперсидские) свидетельства, которые бы столь определённо, как античные авторы, свидетельствовали о восприятии Кира его подданными или его самопрезентации. В этом смысле знаменитый «Цилиндр Кира»⁹ не отражает ни перцепцию, ни апперцепцию, ни рецепцию, ни оценку царём самого себя, в большей степени являя пропаганду, предназначенную покорённым народам, что связана с конкретным событием – захватом в 539 г. до н. э. Вавилона. В документе от имени Кира заявляется: «Когда я вступил в Вавилон дружелюбно и установил место правления во дворце... Мардук, великий владыка, [побудил] прекраснодушных жителей Вавилона [любить меня], и я ежедневно старательно почитал его. Мои многочисленные войска вступили в Вавилон мирно, я не позволил [никому] пугать [жителей] [Шумера] и Аккада. Я установил мир в Вавилоне и во всех его священных городах... Я отменил иго, которое было наложено на них. Я принёс покой в их разрушенные дома и положил конец их жалобам. Мардук, великий владыка, доволен моими делами и послал благословение на меня, Кураша, царя, который почитает его, Камбиза, моего сына, и всё моё войско... Все цари Вселенной от Верхнего до Нижнего моря, те, кто живёт в царских чертогах, и те, кто живёт... все цари западных стран, живущие в шатрах, доставили ко мне в Вавилон свои тяжёлые подати и облобызали мои ноги...» [18, с. 387]¹⁰.

Однако тот же «Цилиндр Кира» стал основанием для совершенно новой легенды, которая получила хождение во второй половине XX в. и представляет трансформацию этого образа в современной политической культуре. Подобный феномен определяется сложившейся в эту эпоху социокультурной ситуацией, которая поставила на повестку дня активный уход от европоцентристских взглядов и на сегодня, и на вчера. Наряду с национальной историей исследователи всё большее внимание стали уделять описанию прошлого с позиций многосложных и полифакторных формирований, таких, например, как империи. Модернизация подходов привела к появлению «новой имперской истории», которая в исследовательских практиках, политических и пропагандистских высказываниях обозначает себя как «способ описания исторической реальности принципиально гетерогенного, полиэтнического и мультикультурного общества»

⁶ Об этом см. [13, с. 713].

⁷ Подробнее см. [14, 15].

⁸ О героизации персов Геродотом см. [16].

⁹ Артефакт, обнаруженный в 1879 г. при раскопках Вавилона, хранится в Британском музее, копия – в штаб-квартире ООН в Нью-Йорке. См. новый перевод «Цилиндра Кира» и его исследование в персодском и вавилонском контекстах [17].

¹⁰ Реальные и пропагандистские аспекты политики Кира по отношению к покорённым народам см. [19, 20].

[21, с. 225]. Значит, ни о каком господстве, подчинении и угнетении речи не идёт. Имперская повседневность предстаёт попыткой гармонизировать интересы и защитить права всего населения империи.

В этой связи обращение к истории одной из первых в мире империй и фигуре его основателя не может считаться чем-то неожиданным. Созданию новой легенды о Кире и её пропагандистскому успеху способствовали ещё в 60–70-х годах XX в. власти Ирана, когда шах Мохаммед Реза Пехлеви в рамках идеологии «Белой революции» накануне юбилея (2500 лет) персидской монархии предъявил руководству ООН «Цилиндр Кира» в качестве доказательства существования древнейшего манифеста, декларирующего права завоёванных и подчинившихся народов в рамках единой империи и единого законодательства в противовес жестокости вавилонских и ассирийских властителей [22, с. 140–141].

Имеющийся в нашем распоряжении русскоязычный текст указанного источника, увидевший свет при участии М.А. Дандамаева, не даёт возможности столь радикально трактовать пропагандистскую риторику Кира, а потому в медийное пространство в XXI столетии запущен иной перевод, в котором акценты расставлены иначе, жёстко, а терминология явно осовременена. Например: «Я буду уважать традиции, обычаи и религии народов моей империи... Я не навязу свою монархию ни одной нации... Я никогда не позволю никому угнетать других...» (цит. по [23, р. 24]).

Благодаря двойному пропагандистскому эффекту – сам Кир Великий в V в. до н.э. и последний иранский шах Мохаммед Реза Пехлеви во второй половине XX столетия – «Цилиндр Кира» стали почитать первым опытом декларации прав человека, отдав тем самым первенство в этом важнейшем для Нового и Новейшего времени вопросе не просто далёкому прошлому, но древности восточной, имперской, что становится весьма показательным в политической жизни глобализированного мира.

Для общественно-политической и правовой мысли Нового и Новейшего времени имперская политика Кира Великого служила и служит постоянным раздражителем. М. Монтень, удостоивший своим вниманием большинство древних правителей и Востока, и Запада, обратился к фигуре Кира с позиций поиска примеров для современных ему властителей. Так, приводя отрывок из Ксенофонта, он напоминает о необходимости в первую очередь при решении вопроса понять «не пострадает ли справедливость» [24, с. 156]. Рассуждая о неравенстве среди людей и будучи сторонником именно всеобщего равенства, французский писатель-философ ссылается на Кира, который якобы говорил, что «повелевать может только такой человек, который лучше тех, кем он повелевает» [24, с. 284]. Убеждение в том, что источником равенства, свободы, справедливости является правитель, вполне соответствует эпохе Возрождения, но берёт начало в адамовы века. Однако уже в Новое время получают распространение представления об этих же благах как о проявлении естественного права, а не доброй воли правителя. Об этом, очевидно, забыли те, кто ищет аналогии между идеями и деятельностью 3-го американского президента Т. Джефферсона и основателя государства Ахеменидов, шире – отцов Нового Света и древнеперсидской династии правителей на Ближнем и Среднем Востоке. Следует, так или иначе, вспомнить характерное прозвище Кира Великого, которое, по данным

античных авторов (Герод. Ист. III. 89, с. 167), дали своему царю персы, – *отец* (Κῦρος δὲ πατήρ) (см. также [11, р. 145]). В Иране, как заявляют зарубежные исследователи, отцы-основатели «нашли... идеи и устремления, резонирующие со своими ценностями и убеждениями» [25, р. 2], а в 2013 г. британская радиостанция «Би-Би-Си» парадоксально заявила: «История Персии – Ирана – часть новой истории Соединённых Штатов» (цит. по [25, р. 15]).

Типичным примером мифологизации национальной истории становится, помимо прочего, попытка современных учёных-юристов увидеть в деятельности Кира Великого и его установлениях отражение правовой культуры таджиков при Ахеменидах. Основываясь на недостоверном переводе клинописного текста, выбитого на глиняном цилиндре, Э.С. Насурдинов говорит о «манифесте» Кира, относя его «к кругу величайших феноменов исторического, государственно-правового, культурного, нравственного порядка» [26, с. 58]. Другой пример присвоения национального наследия в угоду политическим интересам демонстрирует Ш. Эбади – иранская правозащитница, ставшая в 2003 г. лауреатом Нобелевской премии мира. Начиная лекцию-рассказ о своей стране, регионе, культуре и вере, она называет имя легендарного основателя государства Ахеменидов: «Я – иранка, потомок Кира Великого» [27]. Убеждённая в том, что «Цилиндр Кира» является «одним из наиболее важных документов, которые следует изучать в истории прав человека», Ш. Эбади озвучивает главное, что, по её мнению, содержится в тексте: «на вершине власти 2500 лет назад» правитель провозгласил, что «он не будет царствовать над людьми, если они этого не желают», и «обещал не принуждать кого-либо менять свою религию и веру и гарантировать свободу для всех» [27].

Таким образом, легендарная в Античности и предельно мифологизированная в Новое и Новейшее время фигура Кира Великого продолжает активно присутствовать сегодня в культурном и политическом контексте, становясь мощным инструментом-оружием в руках различных политических сил, переживая самые разнообразные метаморфозы-трансформации.

Источники

- Герод. Ист. – *Геродот*. История: в 9 кн. / Пер. Г.А. Стратановского. – М.: Ладомир, 1993. – 600 с.
- Ксен. Кир. – *Ксенофонт*. Киропедия / Подг. В.Г. Борухович, Э.Д. Фролов. – М.: Наука, 1976. – 334 с.
- Ник. Дамас. Ист. – *Николай Дамасский*. О своей жизни и своём воспитании. История. Жизнь Цезаря. Собрание замечательных обычаев // Вестн. древ. ист. – 1960. – № 3. – С. 235–276.
- Плут. Арт. – *Плутарх*. Артаксеркс // *Плутарх*. Сравнительные жизнеописания: в 2 т. / Подг. С.С. Аверинцев, М.Л. Гаспаров, С.П. Маркиш. – М.: Наука, 1994. – Т. 2. – С. 506–522.

Литература

1. *Сапогов А.С.* Детство Кира Великого (Hdt., I. 107–122): греческое восприятие и восточные влияния // Классическая и византийская традиция. – Белгород: Изд-во Белгород. гос. ун-та, 2011. – С. 22–25.

2. *Canogov A.C.* Две версии предания о детстве Кира Великого (Herod., I. 107–122; Xen. Cyr., I. 3 – I. 4.3) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Междунар. отношения. – 2015. – Т. 15, вып. 1. – С. 43–47.
3. *Canogov A.C.* Кир Великий как царь: взгляд Геродота // IRANICA. Иранские империи и греко-римский мир в VI в. до н. э. – VI в. н. э. / Под ред. О.Л. Габелко, Э.В. Рунга, Е.В. Смыкова. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2017. – С. 326–340.
4. *Llewellyn-Jones L., Robson J.* Ctesias' History of Persia. Tales of the Orient. – London; N. Y.: Routledge, 2009. – 253 p.
5. *Stronk J.P.* Ctesias' Persian History. – Düsseldorf: Wellem Verlag, 2009. – Pt. 1. – 424 p.
6. *Waters M.* Ctesias' Persica and Its Near Eastern Context. – Madison: Univ. Wisconsin Press, 2017. – 159 p.
7. *Gera D.* Xenophon's Cyropaedia: Style, Genre and Literature Technique. – Oxford: Clarendon Press, 1993. – 348 p.
8. *Nadon C.* Xenophon's Prince: Republic and Empire in the Cyropaedia. – Berkeley; Los Angeles; London: Univ. California Press, 2001. – 198 p.
9. *Avery H.* Herodotus' Picture of Cyrus // American J. Philology. – 1972. – V. 93, No 4. – P. 529–546.
10. *Drews R.* Sargon, Cyrus and Mesopotamian Folk History // J. Near Eastern Studies. – 1974. – V. 33, No. 4. – P. 387–393.
11. *Stronk J.P.* Semiramis' Legacy. The History of Persia According to Diodorus of Sicily. – Edinburgh: Edinburgh Univ. Press, 2017. – 624 p.
12. *Абаев В.И.* Из иранской ономастики // История Иранского государства и культуры. – М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1971. – С. 262–276.
13. *Рунг Э.В., Чиглинцев Е.А.* Darius versus Хегхем: Образы Дария I и Ксеркса в древнеперсидских текстах и в произведениях Эсхила и Геродота // Вестн. древ. ист. – 2017. – Т. 77, № 1. – С. 696–719.
14. *Рунг Э.В.* Культ царя в Ахеменидской державе // «Боги среди людей»: культ правителей в эллинистическом и постэллинистическом мире / Отв. ред. С.Ю. Сапрыкин, И.А. Ладынин. – М.; СПб.: Изд-во РХГА, 2016. – С. 174–190.
15. *Tuplin C.J.* The Great King, his god(s) and intimations of divinity. The Achaemenid hinterland of ruler cult? // Ancient History Bulletin. – 2017. – V. 31. – P. 92–111.
16. *Змитрякова Ю.О.* Героизированное описание персов в «Истории» Геродота // IRANICA. Иранские империи и греко-римский мир в VI в. до н. э. – VI в. н. э. / Под ред. О.Л. Габелко, Э.В. Рунга, Е.В. Смыкова. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2017. – С. 340–345.
17. The Cyrus Cylinder: The King of Persia's Proclamation from Ancient Babylon / Ed. by I. Finkel. – London: I.B. Tauris, 2013. – 160 p.
18. Цилинд Кира / Пер. М.А. Дандамаева // История древнего Востока: тексты и документы / Под ред. В.И. Кузищина. – М.: Высш. шк., 2002. – С. 386–387.
19. *Kuhrt A.* The Cyrus Cylinder and Achaemenid Imperial Policy // J. for the Study of the Old Testament. – 1983. – V. 25. – P. 83–97.
20. *Spek, van der R.* Cyrus the Great, Exiles, and Foreign Gods: A Comparison of Assyrian and Persian Policies on Subject Nations // Extraction & Control: Studies in Honor of Matthew W. Stolper / Ed. by M. Kozuh et al. – Chicago: Chicago Univ. Press, 2014. – P. 233–264.
21. *Смирнов А.* Что такое «новая имперская история», откуда она взялась и к чему она идёт? [Беседа с редакторами журнала “Ab Imperio” Ильёй Герасимовым и Мариной Могильнер] // Логос. – 2007. – № 1. – С. 218–238.

22. *Сергеев В.М., Саруханян С.Н.* «Белая революция»: провал модернизации сверху // *Полития*. – 2012. – № 3. – С. 132–145.
23. *History Through Film. Vol. I / Ed. by E. Burnett.* – Lulu.com, 2008. – 252 p.
24. *Монтень М.* Опыты. Избранные произведения: в 3 т. – М.: Голос, 1992. – Т. 1. – 384 с.
25. *Frye R.N., Zand A.* Jefferson and Cyrus. How the Founding Fathers of America, in Their Own Words, Were Inspired by Cyrus the Great. Jefferson. Adams. Madison. Franklin. Truman. – URL: http://www.richardfrye.org/files/Jefferson_and_Cyrus10.pdf, свободный.
26. *Насурдинов Э.С.* Состояние правовой культуры таджиков при Ахеменидах // *Проблемы в российском законодательстве*. – 2014. – № 2. – С. 58–64.
27. *Ebadi Sh.* Nobel Lecture (Oslo, December 10, 2003). – URL: https://www.nobelprize.org/nobel_prizes/peace/laureates/2003/ebadi-lecture-e.html, свободный.

Поступила в редакцию
21.03.17

Чиглинец Евгений Александрович, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории

Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: Evgueni.Tchiglintsev@kpfu.ru

Рунг Эдуард Валерьевич, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории

Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: Eduard_Rung@mail.ru

ISSN 2541-7738 (Print)
ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2017, vol. 159, no. 6, pp. 1422–1431

Cyrus the Great: The Persian King in the Context of World History

E.A. Tchiglintsev^{}, E.V. Rung^{**}*

Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia

E-mail: ^{*}Evgueni.Tchiglintsev@kpfu.ru, ^{**}Eduard_Rung@mail.ru

Received March 21, 2017

Abstract

The paper is devoted to the study of the life and activities of the Persian king Cyrus the Great, as well as the transformation of his image in the socio-cultural and political practices of subsequent eras. Herodotus tells the earliest version of the life of Cyrus. He pays attention to the “legend of Cyrus”, which included the tradition of the origin and death of this king. In fact, he knows several versions of Cyrus’ legend, later reflected in the Persian History of Ctesias of Cnidus and in Xenophon’s Cyropaedia. Meanwhile, there is no Oriental, including Old-Persian, evidence attesting of the perception of Cyrus by his subjects or his self-representation. The famous Cyrus Cylinder was not such evidence, but rather a reflection of the propaganda intended for conquered peoples, which was associated with a specific event – the capture of Cyrus of Babylon in 539 BC. However, the Cyrus Cylinder became the basis for a completely “new legend of Cyrus”, which was circulated in the second half of the 20th century and represents the transformation of this image in contemporary political culture.

The conclusion has been made that the legend of Cyrus, which developed in antiquity, was supplemented in the 20th century with the “new legend of Cyrus”, which represents him as the recognized forerunner in the world community of modern ideological, political, and legal rules in the field of human rights. Thus, Cyrus the Great, legendary in antiquity and ultimately mythologized in new and modern times, became one of the few ancient rulers who continue to actively “participate” in the modern intellectual, cultural and political space, experiencing metamorphosis and undergoing transformation.

Keywords: history, antiquity, Cyrus the Great, biography, human rights, modernity, political context

References

1. Sapogov A.S. The childhood of Cyrus the Great (Hdt., I. 107–122): Greek perception and Eastern influence. In: *Klassicheskaya i vizantiiskaya traditsiya* [Classical and Byzantine Tradition]. Belgorod, Izd. Belgorod. Gos. Univ., 2011, pp. 22–25. (In Russian)
2. Sapogov A.S. Two versions of the tale about the childhood of Cyrus the Great (Herod., I. 107–122; Xen. Cyr., I. 3 – I. 4.3). *Izvestiya Saratovskogo Universiteta. Novaya Seriya. Seriya: Istoriya Mezhdunarodnye Otnosheniya*, 2015, vol. 15, no. 1, pp. 43–47. (In Russian)
3. Sapogov A.S. Cyrus the Great as a king: Herodotus’ view. In: Gabelko O.L., Rung E.V., Smykova E.V. *IRANICA. Iranskie imperii i greko-rimskii mir v VI v. do n.e. – VI v. n.e.* [IRANICA. Iranian Empires and Greco-Roman World in the 6th Century BC – 6th Century CE]. Kazan, Izd. Kazan. Univ., 2017, pp. 326–340. (In Russian)
4. Llewellyn-Jones L., Robson J. *Ctesias’ History of Persia. Tales of the Orient*. London, New York, Routledge, 2009. 253 p.
5. Stronk J.P. *Ctesias’ Persian History*. Pt. 1. Düsseldorf, Wellem Verlag, 2009. 424 p.
6. Waters M. *Ctesias’ Persica and Its Near Eastern Context*. Madison, Univ. Wis. Press, 2017. 159 p.
7. Gera D. *Xenophon’s Cyropaedia: Style, Genre and Literature Technique*. Oxford: Clarendon Press, 1993. 348 p.
8. Nadon C. *Xenophon’s Prince: Republic and Empire in the Cyropaedia*. Berkeley, Los Angeles, London, Univ. Calif. Press, 2001. 198 p.
9. Avery H. Herodotus’ picture of Cyrus. *American Journal of Philology*, 1972, vol. 93, no. 4, pp. 529–546.
10. Drews R. Sargon, Cyrus and Mesopotamian folk history. *Journal of Near Eastern Studies*, 1974, vol. 33, no. 4, pp. 387–393.
11. Stronk J.P. *Semiramis’ Legacy. The History of Persia According to Diodorus of Sicily*. Edinburgh, Edinburgh Univ. Press, 2017. 624 p.
12. Abaev V.I. From Iranian onomastics. In: *Istoriya Iranskogo gosudarstva i kul’tury* [The History of Iranian State and Culture]. Moscow, Nauka. Gl. Red. Vost. Lit., 1971, pp. 262–276. (In Russian)
13. Rung E.V., Chiglintsev E.A. Darius versus Xerxes: The images of Darius I and Xerxes in Old-Persian texts and in the works of Aeschylus and Herodotus. *Vestnik Drevnei Istorii*, 2017, vol. 77, no. 1, pp. 696–719. (In Russian)
14. Rung E.V. The king cult in the Achaemenid Empire. In: Saprykin S.Yu., Ladynin I.A. (Eds.) “*Bogi sredi lyudei*”: *kul’t pravitelei v ellinisticheskome i postellinisticheskome mire* [“Gods among People”: King Cult in Hellenistic and Post-Hellenistic World]. Moscow, St. Petersburg, Izd. RKhGA, 2016, pp. 174–190. (In Russian)
15. Tuplin C.J. The Great King, his god(s) and intimations of divinity. The Achaemenid hinterland of ruler cult? *The Ancient History Bulletin*, 2017, vol. 31, pp. 92–111.
16. Zmitryakova Yu.O. Heroized description of Persians in Herodotus’s “History”. In: Gabelko O.L., Rung E.V., Smykov E.V. (Eds.) *Iranskie imperii i greko-rimskii mir v VI v. do n.e. – VI v. n.e.* [IRANICA. Iranian Empires and Greco-Roman World in the 6th Century BC – 6th Century CE]. Kazan, Izd. Kazan. Univ., 2017, pp. 340–345. (In Russian)
17. *The Cyrus Cylinder: The King of Persia’s Proclamation from Ancient Babylon*. Finkel I. (Ed.). London, I.B. Tauris, 2013. 160 p.
18. The Cyrus Cylinder. In: Kuzishchin V.I. (Ed.) *Istoriya drevngo Vostoka: teksty i dokumenty* [Ancient East History: Texts and Documents]. Moscow, Vyssh. Shk., 2002, pp. 386–387. (In Russian)

19. Kuhrt A. The Cyrus Cylinder and Achaemenid imperial policy. *Journal for the Study Old Testament*, 1983, vol. 25, pp. 83–97.
20. Spek, van der R. Cyrus the Great, exiles, and foreign gods: A comparison of Assyrian and Persian policies on subject nations. In: Kozuh M. et al. (Eds.) *Extraction & Control: Studies in Honor of Matthew W. Stolper*. Chicago, Chicago Univ. Press, 2014, pp. 233–264.
21. Smirnov A. What is “new imperial history”, its origin and results? [An interview with the editors of “Ab Imperio” journal, Il’ya Gerasimov and Marian Mogil’ner]. *Logos*, 2007, no. 1, pp. 218–238. (In Russian)
22. Sergeev V.M., Sarukhanyan S.N. “White Revolution”: Failure of modernization from the top down. *Politiya*, 2012, no. 3, pp. 132–145. (In Russian)
23. Burnett E. (Ed) *History through Film*. Vol. I. Lulu.com, 2008. 252 p.
24. Montaigne de M. *Опыты. Избранные произведения* [On Experience. Selected Works]. Vol. 1. Moscow, Golos, 1992. 384 p. (In Russian)
25. Frye R.N., Zand A. Jefferson and Cyrus. How the Founding Fathers of America, in Their Own Words, Were Inspired by Cyrus the Great. Jefferson. Adams. Madison. Franklin. Truman. Available at: http://www.richardfrye.org/files/Jefferson_and_Cyrus10.pdf.
26. Nasuridinov E.S. The state of the legal culture of Tajiks under the Achaemenids. *Probely v Rossiiskom Zakonodatel'stve*, 2014, no. 2, pp. 58–64. (In Russian)
27. Ebadi Sh. Nobel Lecture (Oslo, December 10, 2003). Available at: https://www.nobelprize.org/nobel_prizes/peace/laureates/2003/ebadi-lecture-e.html.

⟨ **Для цитирования:** Чиглинцев Е.А., Рунг Э.В. Кир Великий: персидский царь в контексте мировой истории // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2017. – Т. 159, кн. 6. – С. 1422–1431. ⟩

⟨ **For citation:** Tchiglintsev E.A., Rung E.V. Cyrus the Great: The Persian king in the context of world history. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2017, vol. 159, no. 6, pp. 1422–1431. (In Russian) ⟩